

## МИША В ТЕОРОТДЕЛЕ ИТЭФ

П. ВОЛКОВИЦКИЙ

*Университет Джорджа Мейсона, Фейрфакс, Вирджиния, США*

В списке теоретиков, сдавших теорминимум, написанным самим Л.Д. Ландау незадолго до автокатастрофы, Миша Маринов стоит под номером 35. А всего в этом списке 43 человека. Миша был одним из последних, кто успел. По свидетельству И.М. Халатникова, Л.Д. Ландау считал Мишу “подававшим большие надежды”. В какой степени Миша эти надежды оправдал сейчас не так уж и важно. А вот то, что в теоротделе ИТЭФ Миша оставил неизгладимый след и добрую память, важно для всех, кто с ним общался.

Миша был эрудитом. Сейчас, в эпоху интернета и многочисленных баз данных, роль эрудитов в научном коллективе может быть не так уж и существенна: каждый легко может найти ссылки на статьи по интересующей его теме. Но в те доинтернетовские времена, когда мы начинали заниматься наукой, наличие эрудита в коллективе было чрезвычайно полезно: можно было пойти к Мише и спросить его, кто и когда решал похожую задачу и получить от него квалифицированный ответ. Все мы так и делали, а Миша с удовольствием нам отвечал.

Мне кажется, что он даже получал удовольствие от своей работы по выпускам “Сигнальной Информации” в ВИНИТИ. Это был каторжный труд: раз в неделю поехать на Сокол и посмотреть десятка два журналов по теории поля и физике частиц, быстро разобраться в содержании каждой статьи и разметить разделы, к которым эта статья относилась. Обычно это делали во второй половине дня и работа шла, как правило, до позднего вечера. Миша говорил мне, как он уставал от ВИНИТИ. Позже, когда я некоторое время поработал в Сигнальной Информации, я понял, что жаловался он не зря. Тем не менее, я думаю, что он держался за эту работу не только из-за денег: его энциклопедическая голова получала большую дозу свежей информации.

Миша был замечательным мастером по части обзоров. Его обзор по континуальным интегралам, опубликованный в Physics Reports уже после его ухода из ИТЭФ в 1979 г., был образцом для подражания. Честно говоря, я не понимаю, почему он почти не писал обзоров в УФН: возможно это объяснялось политикой редколлегии, заказывавшей обзоры по физике в ФИАНе.

Миша был педагогом. Он любил учиться сам и любил учить других.

Мое поколение теоретиков ИТЭФ, опоздавшее к общению с великим Ландау и Померанчуком, учились у их учеников, одним из которых был Миша. Я думаю, что среди теоретиков ИТЭФ старше меня, я больше всего общался именно с Мишей. Его рассказы о людях и событиях были всегда точны, остроумны и лаконичны. У него был свой стиль рассказа, в котором попадались слова, как это принято говорить, неформальной лексики. Однако произнесенные в его мягкой манере они всегда оказывались более чем к месту. Я помню замечательную историю, рассказанную Мишей, как он выучился мату: в составе студенческого отряда МГУ на целине его назначили водовозом. Лошадь, которую ему дали, других команд, кроме матерных, не понимала, вот Мише и пришлось их выучить.

У Миши был свой, четко обозначенный взгляд на людей и их поступки, который иногда вызывал у меня, тогда 25-летнего молодого человека, некоторое удивление. Потом, много лет спустя, я, в большинстве случаев, согласился с Мишиной оценкой.

Миша был педагогом по призванию и по складу характера. Факты и явления идеально раскладывались по полочкам в его хорошо организованной памяти: ему не нужно было думать, как объяснить тот или иной результат или формулу, объяснение было как бы присоединено к факту. Идеальный порядок в Мишиной голове требовал выхода и Миша находил этот выход, обращаясь к нам. Мишины лекции на Школах ИТЭФ, доклады на конференциях и семинарах всегда были ясными, четкими и прекрасно организованными.

Теоротдел ИТЭФ имел выход на две кафедры МФТИ: на кафедру теорфизики, которой заведовал В.Б. Берестецкий и кафедру физики элементарных частиц, где завкафедрой был К.А. Тер-Мартirosян. К великому сожалению Миша не преподавал ни на одной из этих кафедр и не вел занятий со студентами в ИТЭФ. Занятия вели другие люди, зачастую тяготившиеся своими обязанностями, и не имевшие того педагогического таланта, который был у Миши. По правде говоря, я до сих пор не знаю, связано ли Мишино неучастие в преподавании в ИТЭФ с традиционным административным антисемитизмом, или тому были причиной какие-то внутриотдельские, как теперь принято говорить, разборки. Миша был совестью теоротдела. Внутриотдельские разборки, напроць отсутствовавшие, как я понимаю, при И.Я. Померанчуке и деликатно подавляемые всеми уважаемым В.Б. Берестецким, резко обострились после его смерти в 1976 году. По точному выражению одной из ИТЭФ'овских экспериментаторов, теоретики без конца мерялись х-ми. Конечно трудно создать коллектив из талантливых индивидуалистов: в одних институтах это удавалось

лучше, в других – хуже. Тем не менее в теоротделе существовали люди, к мнению которых прислушивались даже самые резкие оппоненты. Одним из таких людей был В.Б. Берестецкий. Миша, несмотря на то, что он был моложе многих, тоже был такого рода модератором. Третьим человеком подобного склада был М.В. Терентьев. По-видимому личность и склад характера создавали общие научные интересы и общий стиль работы; в разное время В.Б. Берестецкий сотрудничал с М.В. Терентьевым, а М.В. Терентьев с М.С. Мариновым. Сейчас их всех нет и я не знаю, кто их может заменить.

Миша был счастливым человеком. Миша женился году в 67-ом, когда ему было уже под тридцать. Когда мы увидели его красавицу жену Лилю, у всех у нас открылись рты: тихоня Миша, о романах которого никто ничего не знал (если они вообще были) с первой попытки отхватил самую красивую жену в теоротделе. Лиля была моложе Миши лет на шесть-семь; чем Миша ее покорил, для меня до сих пор непонятно. Она довольно быстро родила ему двух очаровательных девчонок, в которых Миша души не чаял. Семья была замечательная и хотя Миша иногда жаловался на Лильку, других женщин он, по-моему, просто не замечал. Конечно, с появлением семьи прибавилось материальных забот, которые особенно обострились с уходом Миши из ИТЭФ'а в 1979 году.

Миша был сионистом. Надеюсь, что читающие эти страницы знают, что сионизм – это не ругательство, использовавшееся антисемитами, а вполне серьезное направление еврейской общественно-политической мысли, ставящее своей целью репатриацию еврейской диаспоры в Палестину и создание там еврейского государства. Миша, пожалуй, был единственным сионистом среди всех моих еврейских друзей и знакомых. Как и положено сионисту, он был еврейским националистом и делил всех людей на евреев и не-евреев. Меня он, как я думаю, справедливо относил к не-евреям не только потому, что у меня в паспорте в графе “национальность” стояло “русский”, но и потому, что я был полный профан по части еврейской культуры, традиций и, конечно, религии. Сейчас, в эпоху разгула псевдорелигиозности в России, очень интересно отношение людей к религии до того, как она стала модой. Мне кажется, что, невзирая на свой сионизм, Миша был атеистом.

Мишин национализм был, пожалуй, одной из его черт, вызывавших у меня непонимание и неприятие. Помню его высказывание относительно одного из теоретиков моего поколения, вступившего в КПСС. Миша сказал тогда, что партийный еврей ему ближе, чем беспартийный русский. Это его высказывание до сих пор не согласуется с моим глубоким убеждением

в том, что в теоротделе ИТЭФ в партию вступали только подлецы или дураки.

Как каждый сионист, Миша стремился уехать в Израиль. Как я понимаю, он принял окончательное решение после смерти отца. Что думала по этому поводу Лиля, я не знаю, но решение было принято, и в 1979 году Миша подал заявление об уходе из ИТЭФ'а.

Незадолго до его ухода, году в 75-76 К.А. Тер-Мартirosян, решив реорганизовать работу своей группы, периодически устраивал собрания, на которых сотрудники лаборатории должны были отчитываться о своих достижениях. Меня он обычно спрашивал, когда я защищу кандидатскую диссертацию (я защитил ее в 1973 г., и Карен Аветович был одним из моих научных руководителей), а Мишу – когда тот защитит докторскую. Карен Аветович был прав: каждый нормально работающий теоретик к 40 годам должен наработать на докторскую диссертацию. А если не наработал, то что-то с теоретиком не то. Я думаю, что Мишину докторскую поддерживали бы и другие известные ученые теоротдела. Тем не менее, Миша от прямых вопросов о докторской диссертации уходил, считал, что докторская помешает ему с отъездом. К сожалению, он оказался неправ: с отъездом ему помешали и без докторской.

Первый выезд из теоротдела ИТЭФ в Израиль произошел в 1972 году: уехали Дима Рогинский и Сережа Гурвиц, позднее уехал Витя Мандельцвейг. Дима был аспирантом МФТИ и поэтому Карену Аветовичу досталось вдвойне: как заведующему кафедрой и как научному руководителю. За Витю, как я понимаю, пострадал И.С. Шапиро. Не исключено, что поэтому, принимая меня в 1973 году на работу в ИТЭФ, Карен Аветович спросил меня, не собираюсь ли я уезжать. На что я вполне искренне ответил, что нет, не собираюсь. До 1991 года, до развала СССР, я считал себя связанным этим обязательством, но в 1994 году все-таки ушел из ИТЭФ'а и уехал из России. Думаю, что при приеме Миши на работу в ИТЭФ такой прямой вопрос ему И.Я. Померанчук не задавал; иначе Миша либо не уехал бы, либо не пошел бы в ИТЭФ.

В 1979 году подали заявление об уходе из ИТЭФ'а и на выезд Ася Лapidус и Миша Маринов; за два-три года до этого ушел Наум Натанович Мейман – все, как нарочно, из группы Карена Аветовича. Наума Натановича ГБ немедленно посадил в отказ за его секретные работы конца сороковых годов; Асю сочли достойной отъезда и выпустили (сейчас она аналит на Wall Street). Почему сел в отказ Миша, я точно не знаю, говорят, что кто-то из ИТЭФ'овских “доброжелателей” написал на него

в ГБ хорошую характеристику: что талантливый мол Миша человек. А у ГБ с талантливыми людьми всегда были свои счеты.

Какое-то время после ухода из ИТЭФ Миша смог поработать в ВИНТИ, но ГБ вышерло его и оттуда, и наступили глухие тяжелые времена. Вспомнив свой студенческий опыт, Миша пошел работать шабашником, благо компания была хорошая: Толя Долгов (младший брат Саша Долгова, Мишиного друга) и Лева Пономарев (впоследствии один из основателей Мемориала и депутат Верховного Совета РСФСР). Я тоже подрабатывал шабашкой, но делал это в основном летом, а Мише приходилось работать и зимой. Он был вынужден бросить шабашку после того как сломал ногу, упавши с лестницы на стройке.

Насколько я знаю, ГБ предлагало Мише вернуться в ИТЭФ за отказ от репатриации. Сашу Долгова на какое-то время перестали пускать за границу. Но все кончилось благополучно: к власти пришел Горбачев и царской милостью стал отпускать евреев. Миша с семьей уехали весной 1987 года. Все мы, провожавшие его в аэропорт, так радовались, что на радостях проскочили поворот на Шереметьево-2 на Ленинградском шоссе; пришлось разворачиваться и возвращаться.

Писать и звонить Мише из СССР я, как полагается совку, боялся, но с 1987 года меня стали потихоньку пускать за границу, откуда я с Мишей и общался. В 1989 году я провел три месяца в Киото, где у меня было время писать ему письма. Откуда он брал время для ответов мне, я не знаю, но несколько писем он мне написал. Многие из того, что он писал мне тогда, я понял много позже когда в 1995 году сам уехал. Помню как меня поразило тогда Мишино высказывание, что в Израиле он собирается работать в промышленности, а в Технион в Хайфе его взяли случайно. Сейчас многие бывшие сотрудники теоротдела ИТЭФ, включая и меня, успешно работают в фирмах, и такая карьера уже никого не удивляет.

Мои отношения с Мишей резко оборвались в 1991 году. До сих пор для меня загадка, почему он перестал со мной общаться. После его смерти я позвонил Лиле, выражая ей соболезнования, но выяснять отношения, разумеется, не стал.

Думая о Мише, я хотел бы надеяться, что в Израиле он смог наконец-то реализовать свои педагогические таланты, хотя мой собственный опыт преподавания в США не дает повода для подобного оптимизма.